

ПЕРЕД ЛИЦОМ ЦЕРКВИ

Легенды и реальность

Романтическое представление о католической церкви делает из нее - и это зловещее видение с готовностью укрепляется, поддерживается и развивается в массовом сознании - учреждение, беспощадно преследовавшее алхимиков и всех тех, кто имел несчастье в ту мрачную средневековую эпоху зарекомендовать себя смелым новатором.

В действительности же если труды историков и подводят к мысли о том, что Средние века не знали нашего современного идеала свободы совести и что в определенные периоды этой эпохи встречались проявления крайней нетерпимости, то и наш век все же не может, увы, похвастаться лестным для себя сравнением с теми временами. Не будем настаивать на таком сравнении!

Давно уже было замечено, что в Средние века имело место сосуществование (которое может показаться странным) страшных проявлений догматической нетерпимости с такой свободой выражения мысли, как письменно, так и устно, которая может показаться маловероятной. Однако стоит лишь обратиться к хорошему учебнику по истории средневековой философии[66], как станут очевидными многообразие и даже большая смелость мнений, которые свободно выражали и отстаивали ученые-схоласты. И это происходило в университетах, отличавшихся строгой организацией и жестким контролем.

Но как же обстояло дело со средневековыми алхимиками? Мы не знаем ни одной церковной или папской анафемы, ни одного распоряжения, касающегося специально их; более того, эти «сыны Гермеса» были весьма многочисленны среди как духовенства, жившего и действовавшего в миру, так и монашества.

Попытки изготовления искусственного золота не представляли собой чего-то недозволенного даже для теологов, ибо сам святой Фома Аквинский придерживался мнения, что следует считать приемлемым золото, искусственно полученное алхимиками[67].

Что же касается стремления открыть, ставя в лаборатории опыты, таинственные законы, управляющие всеми явлениями материального мира и жизни, то это считалось вполне допустимым для теолога. Святой Фома Аквинский, ученик святого Альберта Великого и сам алхимик, пришел в своей «Сумме теологии» к заключению: «Тела нижнего мира управляются Богом посредством небесных тел».

В Средние века никогда не было кафедр, специально посвященных алхимии, - она всегда оставалась деятельностью, оттесненной на периферию официального научного знания. Вместе с тем можно было видеть, как в XIII веке студенты и профессора знаменитой медицинской академии в Монпелье совершенно открыто обменивались мнениями и результатами изысканий в области алхимии, которым они предавались помимо своих официальных занятий.

Вопреки расхожему мнению, также порожденному романтическим взглядом, средневековый алхимик отнюдь не являлся - за исключением совершенно особых случаев колдовства - безрассудно и злобно бунтующим против церкви, или воинствующим вольнодумцем. Напротив, это был благочестивый, глубоко верующий человек, усердно предававшийся молитвам и духовным упражнениям. Адептами проводилась аналогия между страстями Христовыми и этапами Великого Делания, последовательными трансформациями философского камня, которая стала, например, темой латинской поэмы «Margarita preciosa» («Драгоценный перл») монаха Петра Бона из Феррары (XIV век) и которая для алхимиков-адептов отнюдь не была пустым словом.